

КОНФЕРЕНЦИЯ: «ЛАТВИЯ И РОССИЯ В ЕДИНОЙ ЕВРОПЕ В XXI ВЕКЕ. КТО МЫ:
ДРУЗЬЯ, ВРАГИ ИЛИ ПАРТНЁРЫ».
Июнь 2000г., Юрмала, Латвия.

**ЗНАЧЕНИЕ ИНТЕГРАЦИИ ОБЩЕСТВА ВО ВНЕШНЕЙ И ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКЕ
ЛАТВИИ**

Аверчев Владимир (Россия) – член Совета по внешней и оборонной политике, советник президента компании «СИДАНКО».

Моя роль тут выглядит несколько двусмысленной. Обсуждать внутривнутриполитические проблемы Латвии гражданину России, российскому политику – несколько опасно. Но я выступаю в роли эксперта.

Я попытаюсь посмотреть на сложившуюся ситуацию, как она видится со стороны России, и проанализировать те процессы, которые протекали как в Латвии, так и в других государствах Балтии, да и вообще во всех остальных государствах бывшего СССР.

Вот прошло 10 лет независимого существования государств, которые образовались на пространстве бывшего Советского Союза. И при всем различии исторических судеб и культур – все они продукты распада тоталитарного государства. Это – фундаментальный факт и фундаментальное обстоятельство. Ведь известно, что тоталитарное государство не допускало образования структур гражданского общества, не допускало независимого гражданского действия не под контролем государства, а человека стремилось поставить один на один с таким государством.

И поэтому по всех этих новых государственных образованиях формирование государства и гражданского общества шло одновременно, что не могло не наложить отпечаток на сам характер, в том числе и межгосударственных взаимодействий и внутригосударственной политики каждого из этих государств.

Если мы посмотрим на историю, то в моменты распада любых вот такого рода супергосударственных образований (под супергосударственными я не имею в виду масштабы, я имею в виду их тоталитарный характер), всегда происходит редукция к прошлому. Вот эти скрепы распадаются и на поверхность выходят задавленные структуры, и не только структуры, но в том числе и конфликты прошлого. Это актуализация прошлого.

Посмотрите, что произошло в Югославии. Распалась, и мы получили конфигурацию конфликта начала XX века. Была единая общность – Советский Союз. Распалась, и тут же выяснилось, что элементы традиционного общества в Средней Азии никуда не делись. И это сразу, во многом, предопределило развитие формирования государственности, причем очень быстро. В других случаях произошла актуализация всех этих страхов, фобий, которые коренятся и в недавнем и в далеком прошлом. 1940 или 1945 годы – это ведь не только травмы, психологические травмы для населения Балтии. Эти факторы коренятся и в отношениях наших дней. В то же время униженность и подавленность существовали здесь и во времена господства немцев.

Что началось дальше? Актуализированное прошлое начинает взаимодействовать с уже абсолютно современными, европейскими структурами, институтами, правовыми системами, в которые все эти государства устремляются. Будучи довольно долго в составе Парламентской Ассамблеи Совета Европы, я имел возможность наблюдать, как процессы присоединения к европейским структурам, заставляют, преодолевая какую-то инерцию, переделывать себя, свою страну, цивилизуя собственную внутригосударственную практику. И именно это стало, наверное, доминирующей и определяющей тенденцией процесса европейского объединения.

Ведь даже формирование политических партий в значительной степени определяется структурой, политическим ландшафтом Европы. Здесь у вас – в большей степени, у нас – в меньшей. Европеизация как раз и является процессом изживания прошлого и переход, в исторически короткий отрезок времени, в какое-то новое качество.

Теперь о том, как этот же период выглядел в отношениях между Россией и Балтией. В Риге, да и не только в Риге, любят говорить: вы наследники и правопреемники Советского Союза. Почему Россия не была оккупантом? Почему Россия,

демократическая Россия, не несет за это ответственности? Это все идеологема, все это фигура речи. На самом деле, говорят нам – вы тот же самый Советский Союз, у вас такие же имперские замашки и так далее.

Но я хочу обратить внимание на одно обстоятельство.

Дело в том, что отношения демократической России, в широком смысле демократической, со странами Балтии стали выстраиваться еще во времена существования Советского Союза. И это очень важно для понимания психологической реакции среди российских демократов на то, что здесь происходило в последующие годы.

Напомню, что представители Верховного Совета РСФСР приехали и в Вильнюс, и в Ригу еще в начале 1991 года. Они поддержали становление демократии, выступили с протестом против силовых акций, которые имели место. Это, в свою очередь, имело очень большое значение для тех позиций, которые заняли русские в государствах Балтии, когда дело дошло до голосования.

Это реальный политический опыт российских демократов, имевших свою политику, отличную от курса Советского Союза. И когда демократы пришли к власти в России после декабря 1991 года, у них было ожидание во многом романтическое, во многом наивное, но ожидание, что будет продолжение того опыта демократического взаимодействия, который уже реально состоялся. Именно поэтому были поддержаны настроения среди русских в странах Балтии в пользу независимости. Именно поэтому русские, голосовавшие в поддержку независимости, по крайней мере часть из них, воспринимали всю ситуацию, как некое совместное действие демократов против тоталитаризма. Поэтому и демократы в Москве, и демократы здесь, в странах Балтии, восприняли всю последующую политику на разделение, фактически, на создание двухобщинного государства, на ограничение прав – как предательство. И это не просто эмоции, я повторяю, это разрушение иллюзий и иллюзий благородных.

Разумеется, это касается не только наших отношений со странами Балтии. Это касается всех наших отношений с Западом в целом. И та же самая иллюзия возможности скорой интеграции, быстрое признание демократической России международным сообществом демократических государств породило такой феномен, как внешняя политика Козырева.

В этой политике были не только элементы слабости, конъюнктуры как пытаются утверждать некоторые, но был и элемент романтики. В таком контексте следует рассматривать и то, что последовало дальше. Почему, собственно говоря, так остро стоит проблема расширения НАТО? Потому что расширение НАТО оказалось концентрированным выражением процесса разрушения иллюзий. Нам давали понять, что в этом мире нет бесплатных обедов, что в этом мире не прощают вашей собственной слабости и наивности, в этом мире действует только правовая норма, подписанный договор, а не какие-то неопределенные обещания, неопределенные ожидания.

Такие настроения были характерны для второго этапа развития наших отношений, который, я считаю, длился где-то с 1994 по 1999 год. Это потерянные годы, скажем, для самостоятельной российской внешней политики и не только, это вообще потерянные годы в отношениях России и Запада и, в какой-то степени, в отношениях России с Балтией. Поскольку был сделан в основном акцент на межгосударственных отношениях и не было реального продвижения в режиме диалога.

Я помню, сколько времени потрачено в бесплодных дискуссиях вокруг следующих тезисов: «Нет, НАТО вам не угрожает... А мы не говорим, что угрожает... Но давайте строить совместную систему коллективной безопасности в Европе... Да. Мы подумаем... Посмотрим, может быть, мы вас подключим...»

Создавалось ощущение того, что идет некий политический диалог, не имеющий, в действительности, выхода, а реальные процессы происходили независимо от итогов всех этих разговоров. Это было довольно тяжелое ощущение.

Где-то после 1996 года начался новый этап. И этот этап связан с тем, что происходило внутри самих государств. И, прежде всего, он связан с формированием политических партий, с формированием собственной политической системы в каждом из наших государств. Начинается период, когда Россия, после периода неуклюжих попыток давления, которые только провоцировали, и давали дополнительную пищу националистам, в том числе и в Риге, начала целенаправленно и осмысленно действовать через европейские структуры.

В Парламентской Ассамблее Совета Европы мы очень активно, постоянно и настойчиво объясняли европейским парламентариям наши озабоченности, предоставляли информацию.

Где-то через год, после того как к нам присмотрелись, возникли возможности для активной работы. Должен откровенно сказать, что те бесспорно положительные изменения, которые произошли в Латвии – в этом, в значительной степени, вклад и российских парламентариев. И это, на самом деле, победа здравого смысла, это содействие тому, чтобы Латвия избежала самой страшной опасности, опасности превращения в двухобщинное государство.

Важно появление реального, внутристранового диалога между различными политическими силами. Сам факт присутствия партии, которая воспринимается как нормальная цивилизованная ответственная политическая сила, это огромное продвижение в развитии политической системы в Латвии. Появляется, скажем, партийное измерение в политике. Оно появляется наряду с государственным, с международно-правовым измерением. Это измерение – еще только в самом зародыше, поскольку партии и в России, и у вас являются очень неустойчивыми образованиями. Они возникают и распадаются. Много ли у вас партий, которые выживают между выборами? У нас, кстати, то же самое. Но там, где они появились – они становятся самостоятельным фактором. И этот фактор начинают активно использовать. Вот, скажем, присутствие членов партии «Народного согласия» в Парламентской Ассамблее Совета Европы. Это уже фактор партийный, включенный в межгосударственное и международно-правовое поле.

Очень непростой вопрос сотрудничество партий. Например, у «Яблока» есть соглашение о сотрудничестве с партией «Народного согласия». Но пока политические партии ни в одной из стран не интегрированы в некий постоянно действующий механизм, в котором бы взаимодействовали исполнительная власть, парламенты и собственно политические партии. В России уже есть попытки использовать этот фактор в качестве инструмента реализации определенных национальных интересов. Когда понадобилось МИДУ пригласить представителей югославской оппозиции, они обратились к нам. Это тоже пример того, как партийный фактор начинает играть позитивную роль.

Ситуации в латвийском обществе требует внятного и очень вдумчивого анализа того, что в нем происходит. И в данном случае речь не идет, я хочу это особо подчеркнуть, о каком-то вмешательстве во внутренние дела суверенного государства.

Существуют международные политические интернационалы. Существует практика межпартийного сотрудничества и партии, поскольку они включены в реальные процессы принятия решений в своих странах, используют это для продвижения каких-то национально значимых проектов или целей. По крайней мере так, как это понимают сильные политические партии. В этом и состоит новое, я бы сказал, измерение, которое может позволить решить многие из упомянутых здесь чрезвычайно важных задач. И, в первую очередь, – налаживание политического диалога внутри самой Латвии политическими представителями этих самых функциональных меньшинств и осуществление, таким образом, политической интеграции.

Причем, хочу подчеркнуть, это путь политической интеграции даже тех людей, которые на сегодня еще лишены права голоса. Потому что человек может поддерживать партию как голосуя за нее, так и морально, если хотите, идентифицируя себя с теми политиками, которые провозглашают определенные идеи и цели.

Известен феномен Эстонии, где сделали гораздо более существенные шаги в направлении интеграции. Наблюдатели отмечают, что там русские себя идентифицируют с Эстонией больше, чем с Россией. Они говорят: да, мы русские, но мы эстонские русские. И это, я повторяю, нормальный процесс превращения в полноправных граждан своего государства, своей страны.

А теперь относительно второго вопроса.

Россия не дает денег исключительно по бедности. В идеале, на мой взгляд, Россия должна делать то же самое, что делает Германия. Существует понятие – немецкая Европа. Немецкая Европа – понятие культурное. И все немецкие общины, разбросанные по всей Европе, от Португалии до Австрии, Венгрии и т.д., получают деньги на школы из Германии, они получают деньги на издание газет на национальных языках. Есть также, как известно, сеть институтов Франции по всему миру.

То же самое должна, конечно, делать и Россия, но у нее нет денег. Думаю, что сейчас, когда у России завелись в бюджете хоть какие-то деньги – самое время, в связи с обсуждением бюджета следующего года, поднять вопрос о выделении средств на эти цели, поскольку это крайне важно.